

К ВОПРОСУ ОБ «ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СЕРГИАНСТВА»¹

А. В. МАЗЫРИН

В статье исследуется церковная полемика 1920–1930-х гг., а именно обвинения Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) в следовании обновленческому пути, выдвигавшиеся против него представителями «правой» церковной оппозиции. Рассматриваются вопросы о содержании этих обвинений и их обоснованности. С этой целью анализируются церковно-политическая деятельность митрополита Сергия, его отношение к реформам в Церкви и к обновленческому расколу, характер допускавшихся им компромиссов с атеистической властью. Выясняется, что по части реформаторства митрополит Сергий первоначально был близок обновленцам, вплоть до готовности признать «белый епископат», но после 1923 г. перешел на консервативную позицию. В то же время декларирование политической солидарности с советской властью со стороны Заместителя после 1927 г. стало заметно походить на заявления обновленцев. Подобно им, он начал практиковать наложение на неугодных власти церковных деятелей «канонических прещений», хотя и более мягких. Допускал митрополит Сергий и секретное сотрудничество иерархии с ОГПУ–НКВД, но стремился при этом действовать в церковных интересах, как он их понимал, в отличие от обновленцев, которые могли сознательно помогать богоборческой власти разрушать Церковь изнутри. В целом для митрополита Сергия была характерна забота о сохранении прежде всего внешних организационных форм существования Церкви, что достигалось не без ущерба для ее внутренней свободы и верности идеалу церковной истины. В этом заключалось сходство «сергианства» с обновленчеством, но оно не было полным.

В острой церковной полемике 1920–1930-х гг. деятельность митрополита Сергия (Страгородского) нередко уподоблялась его критиками обновленчеству. Учитывая значение митрополита (Патриарха) Сергия в новейшей истории Русской Церкви, вопросы о том, какой смысл вкладывался в подобные обвинения и насколько они были обоснованными, не теряют актуальности и по сей день. Тема «сергианства» уже стала предметом научного изучения² (про повышенное внимание к ней публицистов и говорить не приходится). Выявление новых фактов

¹ Доработанный вариант доклада, сделанного на конференции «Церковная иерархия и государственная власть: от древности к современности» (Москва, ПСТГУ, 11–12 ноября 2014 г.).

² См.: *Фирсов С. Л.* Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999.

и развитие церковно-исторической и богословской мысли побуждают к продолжению исследования означенной проблемы.

Само выражение «обновленческая природа сергианства» принадлежит священномученику Кириллу (Смирнову), митрополиту Казанскому. В марте 1937 г. он писал в частном письме: «М[итрополит] С[ерги]й отходит от той Православной церкви, какую завещал нам хранить Св[ятейший] патриарх Тихон, и следовательно для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили *обновленческую природу Сергианства*»³. Под упомянутыми «происшествиями» священномученик Кирилл, скорее всего, имел в виду объявление митрополитом Сергием себя Патриаршим Местоблюстителем в декабре 1936 г. при живом Местоблюстителе митрополите Крутицком Петре (Полянском). Этот сергиевский акт противоречил завещаниям Патриарха Тихона и митрополита Петра, согласно которым первым кандидатам на местоблюстительство был митрополит Кирилл. Можно было, таким образом, рассматривать митрополита Сергия как захватчика церковной власти и по этой причине уподоблять его обновленцам, которые при поддержке ГПУ в 1922 г. также объявили о создании своего «Высшего Церковного Управления» (ВЦУ).

Письмо митрополита Кирилла 1937 г. далеко не первое, в котором он проводил параллели между митрополитом Сергием и обновленцами. В феврале 1934 г. он писал: «Мы <...> как и *все обновленчеству сродное*, не можем признать обновленное митрополитом Сергием церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего Патриарха Тихона»⁴. Весной 1934 г. священномученик Кирилл составил довольно внушительный документ (в некоторых следственных документах он затем фигурировал как «декларация митрополита Кирилла»⁵), в котором писал о митрополите Сергии, что «он присвоил себе учредительные права, какие никак не могут принадлежать ни ему, ни М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]телю, ни даже самому П[атр]иарху, и <...> учредил без Собора так называемый “временный п[атр]иарший св[ящ]енный синод”, являющийся искажением лица и достоинства той Ц[ерк]ви Православной, надлежащее устройство которой завещал хранить почивший П[атр]иарх». «Узурпировав церк[овную] власть, став т[ак]им обр[азом] учредителем новой формы церк[овного] управления, м[итрополит] С[ерг]ий со всеми уловленными им в сети своего *чисто обновленческого учреждения* отошел от М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]теля и от возглавляемой им Церкви, создавши нечто непредусмотренное ни Собором 17–18 г., ни завещанием св. П[атр]иарха, ни соответствующее воле П[атр]иаршего М[е]ст[о]бл[ю]ст[и]теля», — писал в своей «декларации» митрополит Кирилл⁶.

³ Цит. по: История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970. СПб., 1997. С. 982. Здесь и далее курсив автора статьи.

⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 701.

⁵ Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского) / Публ. Т. В. Петровой // Даниловский благовестник. 2009. Вып. 17. С. 65.

⁶ Мазырин А., *св[ящ.]* Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого // Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М., 2012. С. 691–692.

Первый же намек Казанского святителя на «обновленческую природу сергианства» можно увидеть в его письме архимандриту Неофиту (Осипову), написанном еще в июле 1928 г.: «Учреждение *новой формы ВЦУ* я не признаю и покойного Патриарха контрреволюционером не считаю, а заявление, сделанное о нас в Сергиевской декларации, считаю клеветой. О Господине нашем Митрополите Петре молюсь, потому что не знаю об его отношении к так называемому Патриаршему Синоду»⁷. «Так называемый Патриарший Синод», самочинно учрежденный митрополитом Сергием в мае 1927 г., митрополит Кирилл, таким образом, рассматривал как «новую форму ВЦУ» (обновленческого, очевидно) и даже свою молитву о Патриаршем Местоблюстителе митрополите Петре ставил в зависимость от его отношения к этому органу.

Таким образом, из приведенных отрывков писем священномученика Кирилла можно понять, что «обновленческая природа сергианства» для него заключалась в *узурпации* митрополитом Сергием высшей церковной власти. Однако очевидно, что сводить «обновленчество» митрополита Сергия к учреждению им Синода в 1927 г. и объявлению себя Местоблюстителем в конце 1936 г. было бы неверно. Близкий к митрополиту Кириллу по взглядам епископ Дамаскин (Цедрик) разъяснял его позицию митрополиту Сергию в октябре 1929 г.: «Вопрос о полномочиях и связанный с ним вопрос о праве Вашем самолично изменять установленный раньше (и, следовательно, обязательный для Заместителя) курс корабля Церкви — имеет широкое принципиальное значение; сведенный по тактическим соображениям к одному, безопасному для открытой трактовки вопросу о Вашем Синоде, он естественно вмещает в себя и все другие недоуменные вопросы, но мудрость Ваша почему-то игнорирует это обстоятельство»⁸. Таким образом, вопрос о Синоде и полномочиях выдвигался митрополитом Кириллом *по тактическим соображениям*, соответственно и «обновленческая природа сергианства» не сводилась лишь к узурпации власти Заместителем. Важнее было то, во имя чего эта узурпация осуществлялась и почему она была столь неприемлемой для церковных ревнителей.

В апреле 1934 г. епископ Дамаскин, делясь своими сокровенными мыслями с архиепископом Серафимом (Самойловичем), писал, что добиваться удаления митрополита Сергия уже «поздно, да и бесполезно»: «Уйдет м[итрополит] С[ергий] — остается сергианство, т. е. то сознательное попрание идеала Св[ятой] Ц[ерк]ви ради сохранения внешнего декорума и личного благополучия, которое необходимо является в результате т[а]к наз[ываемой] легализации»⁹. Здесь можно видеть уже более глубокое определение «сергианства», не сводящееся лишь к обвинению в учреждении новой формы церковного управления. «Сергианство», согласно священномученику Дамаскину, равно как и священномученикам Серафиму и Кириллу, которые были с ним вполне единомысленны, это сознатель-

⁷ Церковная хроника сов. России // Церковные ведомости. 1928. № 21–22. С. 4.

⁸ «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой и А. В. Мазырина // Богословский сборник. 2001. Вып. 8. С. 343.

⁹ Косик О. В. Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М., 2009. С. 317.

ное попрание церковного идеала ради внешнего благополучия, достичь которого митрополит Сергей пытался через так называемую легализацию.

Таким образом, «обновленческая природа сергианства» в реалиях 1920–1930-х гг. выявлялась в *легализации* Московской Патриархии, точнее в тех условиях, которые митрополит Сергей должен был принять, чтобы эту легализацию от власти получить. В двух своих основных моментах эти условия сводились к выражению *полной политической солидарности* с советской властью (это было сделано в печально известной июльской декларации митрополита Сергея: «Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, со знается нами как удар, направленный в нас»¹⁰) и негласному *контролю ОГПУ над кадровой политикой* Московской Патриархии. Именно попытка легализации в 1927 г. (не вполне удачная, к слову говоря, поскольку полноценной легализации митрополит Сергей так и не получил) и породила шквал обвинений Заместителя в уклонении в обновленчество. «Митрополит Сергей, — писал в мае 1928 г. епископ Павел (Кратиров) в записке “О модернизированной Церкви или о Сергиевском «Православии»”, — своей суемудренной и злочестивой декларацией и последующей антицерковной работой создал *новый обновленческий раскол*, или *Сергиевское обновление*, которое, сохраняя для “малых сих” фикцию Православия и каноничности, гораздо преступнее первых двух обновлений (1922 и 1925 гг.)»¹¹. (Под «вторым обновлением» подразумевались раскольники-григориане, вставшие на путь легализации в декабре 1925 г.)

В том же ключе обличал митрополита Сергея и известный московский протоиерей Валентин Свенцицкий в январе 1928 г.: «Вы ставите Церковь в ту же зависимость от гражданской власти, в которую хотели поставить ее два первых “обновления”, вопреки святым канонам Церкви и декретам самой власти гражданской. И “Живая Церковь”, захватившая власть Патриарха, и григорианство, захватившее власть Местоблюстителя, и Вы, злоупотребивший его доверием, — вы все делаете одно общее, антицерковное, *обновленческое дело*, причем Вы являетесь создателем самой опасной его формы, т. к., отказываясь от церковной свободы, в то же время сохраняете фикцию каноничности и Православия. Это более чем нарушение отдельных канонов»¹². Политику митрополита Сергея протоиерей В. Свенцицкий характеризовал далее в том же письме как «тонкую обновленческую ловушку». Как видно, главным проявлением обновленчества, по о. Валентину, был *отказ от церковной свободы*.

Церковная свобода неразрывно связывалась с *исповедничеством*, нежеланием приспособляться к требованиям богоборческой власти, противоречащим велениям христианской совести. При этом борьба за церковную свободу не означала борьбы с советской властью. «Мы — лояльные граждане СССР, — писал митрополиту Сергию архиепископ Серафим (Самойлович) в феврале 1928 г., — покорно исполняем все веления советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правди-

¹⁰ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. № 188 (3122). 19 авг.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 414.

¹² Акты Святейшего Тихона... С. 553.

выми членами и Церкви Христовой на земле и не “перекрашиваться в советские цвета”, потому что знаем, что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят»¹³. Притворное «перекрашивание», «покраснение» митрополита Сергия было налицо, в чем также видели его «обновленчество». «“Покраснение” — это нарушение устоев церкви, *и обновленцев, и сергиевцев я считаю красными*», — пояснял митрополит Иосиф (Петровых) на допросе в октябре 1930 г.¹⁴ «Перекрашивание в советские цвета», в смысле приобщения к обновленческой лжи, сильно угнетало церковных ревнителей. «Раньше мы страдали и терпели молча, зная, что мы страдаем за Истину и что с нами несокрушимая никакими страданиями сила Божия, которая нас укрепляла и воодушевляла надеждою, что в срок, ведомый единому Богу, Истина Православия победит, ибо ей неложно обещана и, когда нужно, будет подана всесильная помощь Божия. Своей декларацией и основанной на ней церковной политикой Вы силитесь ввести нас в такую область, в которой мы уже лишаемся этой надежды, ибо отводите нас от служения Истине, а лжи Бог не помогает», — писал митрополиту Сергию архиепископ Серафим¹⁵.

Примерно о том же писали в 1929 г. архиепископы Пахомий и Аверкий (Кедровы). Митрополита Сергия они воспринимали как «слабовольного, хотя и не злонамеренного Предстоятеля», который, «переоценив значение для религиозной жизни внешних условий, и средством для своей правильной цели избрал не исповедание церковной истины, а личную хитрость, неискренность, политиканство. Поднявши такое неподходящее в церковной деятельности оружие, митрополит Сергей сам от него пострадал, ибо сыны века сего всегда бывают искуснее сынов света в пользовании этим оружием. Но понадеялся митрополит Сергей на свою мудрость, на мирские средства вместо того, чтобы всецело уповать на милость и помощь Божию, на силу Истины Христовой, вооружившись подвигами чистоты и исповедничества и постоянной готовности терпеть скорби и гонения, каковыми подвигами верующих Церковь Божия украшается и вечно обновляется, а не радостями жизни, как проповедают обновленцы»¹⁶. Иными словами, отличие православных от обновленцев, в понимании архиепископов Серафима, Пахомия, Аверкия, в первую очередь было *духовно-нравственным*. Истинное обновление Церкви осуществляется в подвигах чистоты и исповедничества, а не через лукавое подстраивание под требования «сынов века сего».

Отказ от исповедничества, от стояния в Христовой Истине, от церковной свободы, по мысли критиков Заместителя, был чреват *полным нравственным растлением*, подобно тому, как это случилось с обновленцами. В написанном осенью 1927 г. «Документе из Киева — разборе послания митрополита Сергия» (т. е. июльской декларации Заместителя и его Синода) по этому поводу говорилось: «У нас перед глазами позорный путь “церкви лукавствующих” — обнов-

¹³ Акты Святейшего Тихона... С. 571.

¹⁴ «Я иду только за Христом...»: Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ., вступл. и примеч. А. В. Мазырина // Богословский сборник. 2002. Вып. 9. С. 403.

¹⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 571.

¹⁶ Послание братьев-архиепископов Пахомия и Аверкия (Кедровых) об отношении к политике митрополита Сергия (Страгородского) / Публ. и вступ. ст. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II. 2007. Вып. 4 (25). С. 157–158.

ленчества; и этот же позор постепенного погружения в засасывающее болото все более и более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас от полного нравственного растрепания неизбежно ждет церковное общество, если оно пойдет по пути, намеченному деяниями синода»¹⁷.

Сами обновленцы в той ситуации стремились подлить масла в огонь критики митрополита Сергия. В августе 1927 г., по ознакомлении с июльской декларацией, обновленческий «Священный Синод» разослал своим епархиальным управлениям циркуляр, в котором заявлялось, что это «воззвание свидетельствует о полном признании главой “Сергиевщины” Положений Собора 1923 года, декларирующих нормальное отношение церкви к советской государственности и совершившейся социальной революции»¹⁸. Лжемитрополит Александр Введенский на пленуме своего «Синода» в ноябре 1927 г. заявлял: «Рассуждая о Сергии Страгородском и его сподвижниках, я бы сказал, что это — наши ученики. Они, слава Богу, перешли из подготовительного класса политграмоты в первый»¹⁹. Характерно, что Введенский обращал внимание именно на политическую сторону дела.

Последователи митрополита Сергия, конечно, были не согласны с уподоблением их обновленцам, перенося акцент с политического аспекта на канонический. Так, архиепископ Вятский Павел (Борисовский) писал в декабре 1927 г.: «Слухи о нашем объединении с обновленцами — чистейший вымысел и вздор. Обновленцы, григориане и им подобные раздорники попирают каноны церкви, а мы свято их охраняем и соблюдаем». Последнее утверждение, конечно, требует особого комментария. Применительно к 1927 г. митрополит Сергий действительно формально выступал как охранитель церковных канонов, хотя так было не всегда и антиканоническим нововведениям он, вообще говоря, был не чужд, о чем при рассмотрении проблемы «обновленческой природы сергианства» также сказать необходимо.

Еще будучи архиепископом Финляндским, Сергий (Страгородский) в 1906 г. в записке Святейшему Синоду высказался за противоречащую не только канонам, но и Священному Писанию (1 Тим. 3,2, 3,12) допустимость второбрачия духовенства. Он предложил тогда «на предстоящем Соборе обсудить вопрос <...> о необходимости предоставить право вдовым священнослужителям вступать во второй брак, если овдовели до 45 лет»²⁰. Летом 1922 г. митрополит Сергий оказался наиболее видным из архиереев, поспешившим после ареста Патриарха Тихона признать самозванное обновленческое ВЦУ. «Мы, Сергий, Митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, Архиепископ Нижегородский и Арзамасский, и Серафим, Архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность Управления,

¹⁷ Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010. С. 172.

¹⁸ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 229.

¹⁹ Доклад на пленуме Св. Синода 22/XI–27 года Митрополита Александра Введенского // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 1. С. 12.

²⁰ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 2. С. 598.

заявляем, что целиком разделяем мероприятия Временного Церковного Управления, считаем его единственной, канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов церкви, как вверенных нам, так и других епархий», — гласило воззвание трех архиереев от 16 июня 1922 г., с удовольствием опубликованное обновленцами в «Живой Церкви» на самом видном месте²¹. Прошедший в августе 1922 г. съезд «Живой Церкви» вызвал несогласие митрополита Сергия, но довольно своеобразное. «Я вполне разделяю политическую программу группы “Живая Церковь”, — писал он в обновленческое ВЦУ 25 августа 1922 г., — готов я признать и т. н. “белый” епископат (! — *свящ. А. М.*)». Единственным постановлением живоцерковников, которое Сергей (Страгородский) категорически отказывался принимать, было снятие отлучения с Льва Толстого²².

Однако в августе 1923 г. митрополит Сергей принес покаяние перед Патриархом Тихоном за свое отпадение в обновленчество и более, насколько можно судить, никогда не ратовал ни за второбрачие духовенства, ни за женатый епископат. В этом смысле обновленчество митрополита Сергия рецидивов более не имело. Что же касается его заявления «Я вполне разделяю политическую программу группы “Живая Церковь”», то оно в значительной степени и нашло свое выражение в повороте церковной политики, осуществленном митрополитом Сергием в 1927 г., что и дало новый повод обвинять его в обновленчестве. В связи с этим для ответа на вопрос об «обновленческой природе сергианства» представляется необходимым более пристально рассмотреть характер взаимоотношений обновленцев с богоборческой властью и сравнить его с политикой митрополита Сергия, проводимой им с 1927 г. Это важно, поскольку обновленчество, хотя и прикрывалось программой разнообразных церковных реформ (включая «пересмотр церковной догматики с целью выделения тех особенностей, которые были внесены в нее бывшим в России строим»²³), в действительности, как раскол общероссийского масштаба, было вызвано к жизни именно интересами политики большевиков. Что же касается анонсированных обновленцами реформ, то за исключением женатого «епископата» и второбрачия «духовенства» практически ни одна из них проведена не была (а у украинских обновленцев даже и «белый епископат» не прижился). Власти нужны были не реформы в Православной Церкви, а раскол в ней.

Согласно предложению Л. Д. Троцкого, одобренному Политбюро в марте 1922 г., партийно-советским органам надлежало «повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью». «В этой борьбе, — продолжал Троцкий, — мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально»²⁴.

²¹ Воззвание // Живая Церковь. 1922. 1–15 июля. № 4–5. С. 1.

²² Косик О. В. Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. 2000. Вып. 6. С. 54.

²³ Основные Положения группы православного духовенства и мирян «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. 15 июня. № 3. С. 11.

²⁴ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997. С. 162–163.

Из этой записки видна задача, поставленная властью перед обновленцами, — борьба с «церковной контрреволюцией». Обновленцы с энтузиазмом взялись за ее выполнение. В Уставе «Живой Церкви» как средство «совершенного освобождения церкви от политики» прямо была прописана «борьба с контрреволюционными элементами в церкви»²⁵. В Уставе же киевской «Живой Церкви» этот пункт звучал еще более выразительно: «Ликвидация контрреволюционных элементов в церкви, независимо от того, под каким флагом бы они ни выступали»²⁶.

Поиск «контрреволюционеров» в Церкви и выдача их на расправу богоборческой власти были главным содержанием деятельности обновленцев. Также в их задачу входило публичное осуждение от имени Церкви тех «контрреволюционеров», которых власть выявляла сама. Ярчайшим примером такой деятельности является постановление обновленческого ВЦУ, принятое в июле 1922 г., на другой день после вынесения смертного приговора группе петроградских священнослужителей и мирян во главе со священномучеником митрополитом Вениамином: «Бывшего петроградского митрополита Вениамина (Казанского), избличенного в измене своему архипастырскому долгу <...> лишить священного сана и монашества». Далее тем же постановлением «лишались сана» и другие осужденные на смерть священнослужители, а миряне «отлучались» от Церкви²⁷. В том же ряду стояло и постановление обновленческого лжесобора 1923 г. о «лишении сана и монашества» Патриарха Тихона: «...так как патриарх Тихон вместо подлинного служения Христу служил контрреволюции и этим, как лицо, которое должно правильно вести церковную жизнь, ввел в заблуждение широкие церковные массы, то Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви. На основании церковных канонических сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне патриарх Тихон — мирянин Василий Беллавин»²⁸.

Такого рода деятельность обновленцев вполне могла быть охарактеризована, как это было сделано в упомянутом выше «документе из Киева» 1927 г., как «позор постепенного погружения в засасывающее болото все более и более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас от полного нравственного растления». Что творилось в душе у видных обновленцев, можно проиллюстрировать докладной запиской члена ВЦУ «протоиерея» Бориса Дикарева начальнику 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучкову. «Карьеризм, интриги, грызня, шкурничество и зависть к успехам другого, более талантливого, — вот и все», — характеризовал Дикарев своих коллег-обновленцев, будучи сам отнюдь не меньшим карьеристом и интриганом.

²⁵ Устав группы православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 20.

²⁶ Устав группы Киевского православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь: Орган Киевской группы «Живая Церковь», посвященный обновлению Церкви на евангельских началах. 1922. 1 дек. № 1. С. 3.

²⁷ Постановление Высшего Церковного Управления // Живая Церковь. 1922. 1–15 авг. № 6–7. С. 12.

²⁸ История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней. С. 852.

«Во всем обновленческом движении, — писал он Тучкову в феврале 1923 г., — меня теперь интересует лишь одна его сторона — общественно-политическая. Борьба. Мягкость моего характера я теперь изжил и линию на сокрушение всей церковной черной сотни веду беспощадную. Хоть этим возьму то, что вместо положительной активной деятельности в Сов[етских] рядах — ушел в церковное стоячее болото»²⁹.

От митрополита Сергия, очевидно, ОГПУ тоже требовало борьбы с «церковной контрреволюцией». В 1929 г. Тучков похвалялся, что немало в этом деле достиг: «Митрополит Сергий по-прежнему всецело находится под нашим влиянием и выполняет все наши указания. <...> Сергиевским синодом выпущен циркуляр епархиальным архиереям с возложением на них ответственности за политическую благонадежность служителей культа и с предписанием репрессирования по церковной линии за а[нти]с[оветскую] деятельность. Сам Сергий также приступил к этому репрессированию, увольняя виновных попов»³⁰. Упомянутый Тучковым циркуляр митрополита Сергия от 2 апреля 1929 г. ныне выявлен. Он, в частности, гласил: «Патриархия, изъявившая свою полную лояльность и покорность Соввласти, несет на себе перед правительством ответственность за лояльность всего духовенства, идущего за Патриархией, так и все Преосвященные Архипастыри, каждый в своей епархии, несут нравственную и служебную ответственность за лояльность подведомого им духовенства. <...> К духовным лицам, не желающим или неспособным скоро усвоить себе правильное отношение к существующему государственному и общественному порядку, необходимо применять те или иные меры церковного воздействия»³¹. Конечно, от живоцерковной программы «ликвидации контрреволюционных элементов в церкви» формулировки циркуляра митрополита Сергия отличались, но направление политики, очевидно, было тем же самым. Только, в отличие от обновленцев, Патриархия «церковных контрреволюционеров» обычно не лишала сана, а лишь запрещала в священнослужении. Так, в декабре 1927 г. Тучков просил помощника передать ленинградским чекистам: «Сообщите, что мы повлияем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиц[ионных] епископов, а Ерушевич (имеется в виду управлявший в тот момент Ленинградской епархией епископ Петергофский Николай Ярушевич. — *свящ. А. М.*) после этого пусть запретит некоторых попов». В полном соответствии с этими словами Тучкова Синод митрополита Сергия спустя две недели постановил: «1) <...> Преосвященных Гдовского Димитрия и Копорского Сергия <...> запретить в священнослужении. 2) Предоставить Преосвященному Петергофскому на прот[оиереев] Василия Верюжского, Никифора Стрельникова и др. клириков, порвавших молитвенно-каноническое общение с митрополитом Сергием и Временным при нем Па-

²⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 124–125.

³⁰ Цит. по: Сафонов Д. В. «Завещательное послание» Патриарха Тихона и «Декларация» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия // <http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-zaveschanie3.htm> (Режим доступа — свободный. Дата обращения — 3 декабря 2004 г.)

³¹ Архив Санкт-Петербургской митрополии. Ф. 3. Оп. 3 а. Д. 90. Л. 2.

триаршим Священным Синодом, наложить запрещение в священнослужении впредь до их раскаяния»³².

Что касается собственно секретного сотрудничества митрополита Сергия с органами ОГПУ—НКВД (осведомительства), то оно на данный момент документально не установлено (строго говоря, подобного рода документы вообще относятся к государственной тайне и обнародованию не подлежат). Но косвенные свидетельства, причем весьма красноречивые, на этот счет есть. Так, бывший управляющий делами Синода митрополита Сергия архиепископ Питирим (Крылов) показал на допросе в 1937 г., что «митрополит Сергей Страгородский сам давал установки архиереям не только не отказываться от секретного сотрудничества с НКВД, но даже искать этого сотрудничества». Далее, однако, архиепископ Питирим пояснял, зачем Заместитель так поступал: «Это делалось в интересах церкви, т. к. митрополит Страгородский понимал, что архиерей, заручившийся доверием местного органа НКВД, будет поставлен в более благоприятные условия по управлению подведомственной ему епархией, у него не будет особых неприятностей с регистрацией и вообще создастся какая-то гарантия от возможности ареста». Протокол допроса передает изумление следователя от такого откровения: органы госбезопасности не для того вербовали секретных агентов, чтобы те работали *в интересах Церкви*. «Но ведь секретная связь с НКВД предполагала борьбу с контрреволюционным элементом в церковной среде, — резонно заметил допрашивающий. — Какие установки давал митрополит Страгородский в этом отношении?» На это архиепископ Питирим ответил: «Установок в борьбе с контрреволюцией в церковной среде митрополит Сергей Страгородский не давал и давать не мог, так как и сам он настроен антисоветски. Само собой разумеется, что архиереи понимали установки Страгородского как маневр, направленный к сохранению церкви в тяжелых для нее условиях»³³. Конечно, надо понимать, что следствие в 1937 г. было заинтересовано в том, чтобы представить митрополита Сергия «антисоветчиком». И всё же думается, что в процитированных показаниях архиепископа Питирима позиция главы Московской Патриархии изложена достаточно адекватно. Сотрудничество митрополита Сергия с органами госбезопасности имело место (не могло не иметь), но мотивы этого сотрудничества у него и принимавших его установки были существенно иными, чем, например, у обновленца Дикарева, который свою цель видел в «сокрушении всей церковной черной сотни», а сама Церковь для него была «стоячим болотом». Предателем Церкви, в отличие от Дикарева и ему подобных, митрополит Сергей не был.

Следует отметить и то, что, получив в 1922—1923 гг. печальный опыт общения с обновленцами, митрополит Сергей в дальнейшем в вопросе об объединении с ними был тверд, хотя на него оказывалось сильное давление в этом направлении. Ревностными ходатаями за обновленцев были Константинопольские Патриархи. Так, Патриарх Василий III в декабре 1927 г. направил Заместителю

³² «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927—1928 годы / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 369—370.

³³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 151—152.

письмо, в котором навязчиво призывал его к общему собору с обновленцами: «Так как, благодатию Божиею, теперь проникает всех в обеих ориентациях (сергиевской и обновленческой. — *свящ. А. М.*) единый дух <...> и более не существует внешнего препятствия после легализации со стороны Государственной Власти и Вашего положения, то мы поистине не видим, какое еще может создаться непреодолимое препятствие к общему рассмотрению и решению на общем соборе»³⁴. Митрополит Сергей не оценил такого «миротворческого» порыва Константинопольского Патриарха. Свое сокрушение по этому поводу выразил представитель Вселенского Патриарха в СССР и по совместительству почетный член московского обновленческого «Священного Синода» архимандрит Василий (Димопуло): «Сердце Всевысшего Отца распинается распрями и раздорами среди вас, возлюбленные о Христе братья. <...> Получив 23 декабря 1927 г. патриаршую грамоту о мире и единении в Церкви, митрополит Нижегородский Сергей и патриарший при нем временный синод <...> молчат о патриаршем зове к миру. О, какая скорбь для любящего всех вас Вселенского Отца! Какой крест для него!», — писал Димопуло главе украинских обновленцев «митрополиту» Пимену (Пегову) в апреле 1928 г.³⁵

Фанар давил на Московскую Патриархию извне, еще более опасным для митрополита Сергея было аналогичное давление изнутри, оказываемое советскими органами госбезопасности. Примечательные по-своему сведения на этот счет сообщал в феврале 1936 г. московский католический епископ Пий Невё: «О положении православных мне известно следующее. В течение прошлого года ГПУ активно занималось объединением “обновленческой” церкви с “тихоновской”. Чего только не увидишь в этой стране чудес! После переговоров митрополит Сергей решительно заявил, что он не желает церковного союза с митрополитом Александром Введенским (из обновленцев, женатый, причем дважды), хотя ГПУ обещало тихонько усладить его куда-нибудь в провинцию. После этого сергиевский синод был распущен: сам он — старый и тугой на ухо — не выходит из своей комнаты, а все церковные дела поручены — по милости ГПУ — архиепископу Питириму Московскому, которого все православные открыто обвиняют в том, что он является агентом советской полиции»³⁶. (Архиепископ Питирим — тот самый, чьи показания об установках митрополита Сергея архиереям приведены выше.)

Можно было бы не доверять свидетельству враждебного Православной Церкви Невё, но о попытках НКВД осуществить «объединение “обновленческой” церкви с “тихоновской”» сообщал известный русский зарубежный протоиерей Стефан Ляшевский, который, еще будучи мирянином, общался в январе 1936 г. с митрополитом Сергием и затем следующим образом передал его слова: «Ко мне явились из НКВД и сказали, чтобы я безоговорочно шел на полное слияние с обновленцами, иначе меня посадят на кол, а все храмы закроют.

³⁴ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2 (25). С. 2–3.

³⁵ Его Высокопреосвященству, Председателю Украинского Свящ. Синода, Митрополиту Пимену // Український православний благовісник. 1928. № 7. С. 92.

³⁶ Венгер А. Рим и Москва: 1900–1950 / Пер. с фр. М., 2000. С. 468–469.

Сливаться с обновленцами было равносильно уничтожению Церкви, поэтому я почувствовал, что теперь я уже со спокойной совестью могу не идти на этот компромисс, хотя этим и уничтожалась полностью Церковь. Я ответил категорическим отказом. <...> Как я позже узнал, такое же предложение было сделано и Митрополиту Петроградскому Алексию, в тот же самый день, и ему не позволили снестись со мной, сказав, что я согласился на их предложение. Ему так же угрожали, как и мне. Он дал такой же отрицательный ответ, как и я³⁷. Как видно, протоиерей Стефан, хотя и находился после войны в юрисдикции Русской Зарубежной Церкви, относился с пиететом к митрополитам (Патриархам) Сергию и Алексию. Важно, однако, что его свидетельство вполне согласуется со свидетельством Невё, который к Московской Патриархии никаких симпатий не питал. Это позволяет считать, что требование «полного слияния с обновленцами» митрополиту Сергию со стороны НКВД в середине 1930-х действительно было предъявлено, и он его, к своей чести, отверг.

Еще один аспект, который при разговоре об «обновленческой природе сергианства» должен быть если не затронут, то по крайней мере упомянут, — это вопрос о православности митрополита Сергия вообще. Священномученик Кирилл (Смирнов) допускал здесь определенные сомнения. В написанном в январе 1930 г. письме Заместителю он замечал, что воззрения митрополита Сергия «на пути осуществления Церковию своего призвания в здешнем мире <...> нарушают правду Церкви и *искажают Ее православное лицо*»³⁸. Развивать тему *неправославности* Заместителя, однако, митрополит Кирилл не стал. Более всех из видных критиков митрополита Сергия на его отступлениях от догматического учения Церкви останавливался епископ Виктор (Островидов). «“Воззвание”, — писал он об июльской декларации митрополита Сергия, — есть удаление от истины Спасения. Оно смотрит на спасение как на естественное нравственное совершенствование человека (языческое философское учение о спасении), а для осуществления его, безусловно, необходима внешняя организация. По моему мнению, это заблуждение, которое я обличал в лице Митрополита Сергия и известного Антония Храповицкого еще в 1911 году, предупреждая, что они этим своим заблуждением потрясут Церковь Православную. <...> Православная Церковь есть единственная Благодатная Церковь, в которой Благодатью Божией и совершается наше спасение от этой жизни-погибели. Отпадение от Православия (обновленцы), извращение существа Православной Церкви (Синодалы) лишает человека благодати спасения»³⁹. Конечно, такой отзыв епископа Виктора страдает излишней категоричностью. Однако последние исследования говорят о том, что диссертация архимандрита Сергия (Страгородского) с претенциоз-

³⁷ Кострюков А. А. Новые сведения о жизни и деятельности митрополита Сергия (Страгородского) в 1920–1930-е гг. (по материалам архива протоиерея Стефана Ляшевского) // Материалы XX Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 314.

³⁸ Цит. по: Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 326.

³⁹ Ответы епископа Виктора (Островидова) на пятнадцать вопросов ОГПУ / Публ. и вступ. ст. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 142, 145.

ным названием «Православное учение о спасении» действительно выражением православного учения не являлась и скорее основана на этике Канта, чем на богословии святых отцов Церкви, а ее критика со стороны священноисповедника Виктора не была безосновательной⁴⁰. Вопрос же о том, как в церковно-административной деятельности митрополита Сергия проявилось его особое понимание сотериологии, требует отдельного детального изучения.

Подводя итог предложенному рассмотрению вопроса об «обновленческой природе сергианства», следует сказать, что вопрос этот весьма многоаспектный, даже если сводить его к рассмотрению позиции самого митрополита Сергия (а «сергианство», очевидно, к нему одному не сводится). Если брать *реформаторский* аспект обновленчества, то митрополит Сергий его поначалу не отвергал и даже готов был принять так называемый белый епископат, но затем от идеи подобного рода реформ в Церкви категорически отказался. В *декларативно-политическом* аспекте, в плане выражения своих симпатий к советской власти, митрополит Сергий от обновленцев после 1927 г. отличался не сильно (разве что совсем постыдных дифирамбов коммунизму не допускал). Эта декларируемая политическая солидарность с советской властью требовала осуждения неугодных ей лиц («церковных контрреволюционеров») от лица Церкви, чем митрополит Сергий вслед за обновленцами и занялся, хотя и пытался в своей просоветской риторике использовать более приличные выражения, а «канонические прещения» налагать более мягкие. В части практического *секретного сотрудничества* с органами госбезопасности мотивы митрополита Сергия отличались от мотивов обновленческих вождей весьма существенно. Те сознательно помогали богоборческой власти разрушать Церковь изнутри, митрополит Сергий пытался в отношениях с властью «маневрировать» с целью «сохранения Церкви в тяжелых для нее условиях». Только в этом «маневрировании» церковные ревнители видели «хитрость, неискренность и политиканство — такое неподходящее в церковной деятельности оружие». Отказ от исповедничества и от борьбы за внутреннюю свободу Церкви они рассматривали как главный *духовно-нравственный* изъян «сергианства» — «сознательного попрания идеала Святой Церкви ради сохранения внешнего декорама и личного благополучия». Возможно, обвинение в стремлении к личному благополучию в отношении митрополита Сергия было не совсем справедливым, но то, что во имя «внешнего декорама» он готов был «идеалом Святой Церкви» отчасти поступиться, отмечено верно, что и давало основание говорить о *сродности «сергианства» обновленчеству*. Сродность, однако, не означала тождественности.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Московская Патриархия, церковно-государственные отношения, обновленчество, церковная оппозиция, новомученики и исповедники Российские.

⁴⁰ См.: Хондзинский П., прот. «Православное учение о спасении» архимандрита Сергия (Страгородского) и его критика священноисповедником Виктором (Островидовым) и архиепископом Серафимом (Соболевым) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 98–113.

TO THE QUESTION ABOUT «THE REVISIONIST NATURE OF SERGIANSTVO»

A. MAZYRIN

The article deals with ecclesiastical polemics 1920–1930-ies, namely the prosecution of the Deputy Locum Tenens Metropolitan Sergius (Stragorodsky) in the pursuit of innovative ways as they pushed against him by the representatives of the «right» Church opposition. Discuss the content of these charges and their validity. With this purpose, analyses Church and political activities of Metropolitan Sergius, his attitude towards the reforms in the Church and to the Renovationist schism, nature allowed them to compromise with atheistic power. It turns out that part of reformism Metropolitan Sergius was originally close to the Renovationists, until ready to recognize «the white bishops», but after 1923 he transferred to this plan on a conservative position. At the same time, the Declaration of political solidarity with the Soviet government by the Deputy after 1927 was clearly resemble statements of the Renovationists. Like them, he began to practice the application of favor with the Kremlin Church leaders «canonical prohibitions», though softer. Made by Metropolitan Sergius and the secret cooperation of the hierarchy with the OGPU-NKVD, but tried to act in the Church the interests of the Church, as he understood them, unlike the Renovationists who would deliberately to help the godless authorities to destroy the Church from within. In General, Metropolitan Sergius was characterized by concern for the preservation of primarily external organizational forms of existence of the Church, which was achieved not without damage to its inner freedom and loyalty to the ideal of Church truth. This was the resemblance of sergianstvo Renovationism, but this similarity was not full.

Keywords: Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Church-state relations, Renovationism, the Church's opposition, the new martyrs and Confessors of Russia.

Список литературы

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
2. Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010.
3. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997.
4. Венгер А. Рим и Москва: 1900–1950 / Пер. с фр. М., 2000.
5. Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004.
6. История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970. СПб., 1997.
7. Косик О. В. Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. 2000. Вып. 6. С. 26–75.

8. *Косик О. В.* Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М., 2009.
9. *Кострюков А. А.* Новые сведения о жизни и деятельности митрополита Сергия (Страгородского) в 1920–1930-е гг. (по материалам архива протоиерея Стефана Ляшевского) // Материалы XX Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 312–316.
10. *Мазырин А., свящ.* Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого // Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 343–714.
11. Ответы епископа Виктора (Островидова) на пятнадцать вопросов ОГПУ / Публ. и вступит. ст. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 136–147.
12. Послание братьев-архиепископов Пахомия и Аверкия (Кедровых) об отношении к политике митрополита Сергия (Страгородского) / Публ. и вступ. ст. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 4 (25). С. 137–168.
13. Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского) / Публ. Т. В. Петровой // Даниловский благовестник. 2009. Вып. 17. С. 34–79.
14. *Сафонов Д. В.* «Завещательное послание» Патриарха Тихона и «Декларация» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия // <http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrikhailon-zaveschanie3.htm>.
15. «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ., вступ. ст. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 362–385.
16. *Фирсов С. Л.* Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999.
17. *Хондзинский П.* «Православное учение о спасении» архимандрита Сергия (Страгородского) и его критика священноисповедником Виктором (Островидовым) и архиепископом Серафимом (Соболевым) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 98–113.
18. «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой и А. В. Мазырина // Богословский сборник. 2001. Вып. 8. С. 326–351.
19. «Я иду только за Христом...»: Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ., вступ. ст. и примеч. А. В. Мазырина // Богословский сборник. 2002. Вып. 9. С. 376–424.